

— Амоид!

Я не могла отодвинуться из-за тяжёлого, сильного груза, давящего на меня.

Как добыча, пойманная хищником, я была полностью поймана в ловушку, лёжа на этой кровати, потому что он был надо мной.

Моя борьба с ним не имела никакого эффекта из-за разницы в наших силах.

Что, чёрт возьми, с тобой не так?!

Мне хотелось плакать.

Бессильная против его ужасающего взгляда, я отчаянно переспросила, пытаюсь оттолкнуть его тело:

— П-почему, что, почему, что ты делаешь? Почему ты так себя ведёшь?

— Это потому, что ты продолжаешь пытаться убежать. Я хотел поговорить с тобой.

Его голос стал дружелюбным, сладким, как мёд.

От внезапной разницы в тоне у меня по спине пробежали мурашки.

— Мы не можем говорить - вот так. Пожалуйста, прекрати сейчас же разыгрывать эту шутку и просто...

— Ты что, не слышала меня? Я уже устал от этого. Я устал от того, что ты водишь меня за нос своим дерзким язычком.

Его пальцы скользнули по моим губам.

— Так поиграй со мной на этот раз.

Амоид протянул свободную руку и полностью развязал шнурок, удерживающий его собственную мантию закрытой.

Сш-ш-шп.

Когда шнурок был развязан, я резко вдохнула.

— ...

Когда его одежда упала, я столкнулась с видом его крепких мускулов.

Он был слишком близко.

Когда он наклонился ко мне, его грудь и моя грудь были не очень далеко друг от друга.

Я чувствовала, как его расстёгнутая рубашка скользит по моей груди.

Ох, Бог мой.

Прохладная, мягкая текстура ткани касалась моей обнажённой кожи, делая меня чувствительной к каждому ощущению, которое проходило по моему телу.

Почему-то зудит, больно, но в то же время я продолжаю думать, что его грудь была такой широкой...

— П-почему, твои губы... почему ты улыбаешься?

Молодец, что ты так легкомысленно отнёсся к этому!

Мне хотелось плакать ещё больше.

— Я просто хотел поговорить беспристрастно и непринуждённо.

Его слова привели меня в чувство.

Я покачала головой из стороны в сторону, пытаясь игнорировать его грудь передо мной или даже её образ в моём сознании.

Но когда я снова посмотрела на него, то почувствовала, что взгляд Амоида стал странным, как будто он неправильно меня понял.

— ...Однако ты не захотела сесть и поговорить. Всё, что я сделал, это изменил место действия и время.

Он мягко сжал мои запястья.

Затем, со вспышкой вдохновения, я кое-что придумала.

Рука, моя рука, она болит.

Я перевела взгляд вверх, на свою руку, которая всё ещё была обмотана бинтами.

— Тебе не нужно беспокоиться.

И когда он сказал это, он схватил запястье моей забинтованной руки и поднял её выше.

Затем он зафиксировал её, словно прибил гвоздями.

— Эта рука не будет использована.

Не будет использована... Какого чёрта, что он говорит о руке, которой я должна решать, двигать или нет?

Я была повергнута в ещё более глубокое замешательство, потому что не могла понять, что он имел в виду.

— Мы можем поговорить сейчас?

Я хотела спросить, почему мы должны были делать это в таком странном положении, но мои губы не шевелились.

— Я слышал, что не могу сделать это должным образом.

— Хах?

— Все говорили о том, почему именно я не смог выполнить свои обязанности мужа.

— ...Кто?

— А ты как думаешь?

Первой, кто пришёл на ум, была Камилла, за ней следовали Джин и Раймонд.

В моём сознании уже было три кандидата. Однако было много причин, по которым я не могла их затронуть.

Взяла бы Камилла на себя инициативу упомянуть о потенциальных проблемах своего сына в таком деликатном вопросе? Или семейный врач начнёт критиковать своего пациента? Или шеф-повар вообще упомянул бы что-то подобное, когда он прикован к кухне?

У всех троих не было причин говорить это прямо Амоиду.

Камилла несколько раз предупреждала меня, чтобы я была осторожна с тем, что я говорю, опасаясь, что даже её сын будет обескуражен.

Что бы сказал Раймонд? Он такой спокойный и тихий человек.

Джин также был человеком, который практически жил на кухне. Он не был достаточно свободен, чтобы встречаться с Амоидом отдельно и говорить такие бесполезные вещи.

— Я... я никогда этого не говорила.

Я высунула язык, чтобы облизать пересохшие губы.

— Мама и Раймонд тоже, они ничего не сказали. И Джин... Зачем кому-то из нас это говорить?

— Мама, Раймонд? Джин?

Чёрт возьми.

В тот момент, когда я что-то сказала, он прищурился, заставив мою спину содрогнуться.

Я сказала то, что было у меня на уме.

Мне хотелось прикусить нижнюю губу до крови, но было уже слишком поздно.

— Говори.

Он надавил на мои запястья и наклонился. Для меня не было спасения.

— Почему эти три человека? Почему все говорят, что я импотент? Что у меня не стоит, потому что у меня нет на это сил?

Вокруг него витала опасная атмосфера, и я попыталась в спешке придумать оправдания.

— Нет, я-я просто...

Но я ничего не могла сказать, потому что сказать было нечего.

Потому что он был прав.

Именно мои слова привели к тому, что эта ситуация переросла в кризис.

Эти неосторожные слова были сказаны как средство для меня спасти его, но это была ошибка, которую так легко не исправить.

— Я думал, ты сдалась. Сначала это было немного сомнительно, но вскоре ты повела себя так, как будто отказалась вынашивать моего ребёнка.

<http://tl.rulate.ru/book/48715/2007379>